Научная статья

УДК 001.38

doi: 10.17223/1998863X/68/23

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ПОЛИТИКЕ НАУКИ: МЕЖДУ ДОВЕРИЕМ И ПОДОЗРЕНИЕМ

Лиана Анваровна Тухватулина

Институт философии РАН, Москва, Россия, spero-meliora@bk.ru

Аннотация. Рассматривается коллизия целеполагания на «внешнем контуре» науки – между долгосрочными и краткосрочными целями ее развития. Автор полагает, что передовое развитие отечественной науки требует расширения академических свобод, институциональной автономии науки и вызревания открытой к диалогу академической культуры. В то же время этой цели противоречит усиление бюрократического контроля над эффективностью труда ученого, который замеряет результативность научной политики на коротких промежутках времени. Автор считает, что локальные цели в этом случае препятствуют решению стратегической задачи, и утверждает, что упрощенное представление об институциональном контроле над учеными может рассматриваться в качестве последствия постпозитивистской критики научной рациональности. Формирование более чувствительной к интересам ученых политики науки требует, в свою очередь, нового «мифа о науке».

Ключевые слова: научная политика, институт, развитие науки, контроль, доверие, научное сообщество, академическая свобода

Для цитирования: Тухватулина Л.А. Целеполагание в политике науки: между доверием и подозрением // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 224–228. doi: 10.17223/1998863X/68/23

Original article

GOAL SETTING IN SCIENCE POLICY: BETWEEN TRUST AND SUSPICION

Liana A. Tukhvatulina

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
spero-meliora@bk.ru*

Abstract. This article is a response to Ilya T. Kasavin’s “When the future borders on utopia: science in perspective”. The article deals with the problem of coordinating the two contours of science – internal (scientific research) and external (institutional infrastructure). The main thesis is that the mismatch is associated with a conflict on the outer contour between the long-term and local goals of the development of science. So, in the case of Russian science, the long-term goal is associated with reaching the “world level” of scientific results and the advancement of the scientific frontier. This goal requires a long time, which will allow scientists to gain the necessary experience to publish articles in high-ranking journals. In addition, the emergence of science to new frontiers implies the openness of the academic community to the global world. The author believes that the achievement of this goal requires the preservation of a fictitious institutional framework that retains the possibility for spontaneous self-organization of the community and open competition of ideas. At the same time, local goals (control over the effectiveness of scientific work over short time periods) encourage the status quo to be maintained in science. The negative effect of increasing formal control over scientists leads to the strengthening of mutual distrust between scientists and the authorities. On the one hand, “institutionalized suspicion” is cultivated, which

consists in the presumption of bad faith of agents. On the other hand, the pressure of ineffective rules reduces the credibility of the institution and encourages avoidance of their implementation. Such an institutional policy creates a kind of “trap”, which leads to the establishment of a norm that does not meet anyone's interests. The author believes that the strengthening of bureaucratic pressure on science is associated with the influence of the ideas of post-positivism. The post-positivist desacralization of science had at least two external effects – denialism (distrust of expert knowledge) and oversimplification of the politics of science. The author shows that in order to compensate for these negative effects, we need a new “myth about science”. This “myth” aims at establishing trust as a key value of science policy, which is beneficial not only for science, but also for society as a whole. It would free up significant resources (human, intellectual, material), which are now being spent on ineffective control.

Keywords: science policy, institution, science development, control, trust, scientific community, academic freedom

For citation: Tukhvatulina, L.A. (2022) Goal setting in science policy: between trust and suspicion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 224–228. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/23

В статье «Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе» И.Т. Касавин пишет, что «управление наукой является драйвером согласования двух контуров – внутреннего, т.е. развития научных исследований, и внешнего, т.е. развития институциональной инфраструктуры. Эффективное управление состоит в том, чтобы обеспечить позитивную обратную связь в направлении от внешнего контура ко внутреннему» [1. С. 193–200]. В качестве примера Илья Теодорович рассматривает взаимодействие бюрократических структур и научных организаций по поводу определения приоритетных направлений исследования и их дальнейшего финансирования. Этот пример действительно иллюстрирует эффективную коммуникацию между чиновниками и учеными, поскольку здесь они совпадают в целеполагании. Однако нельзя не отметить, что такое совпадение случается не всегда. Если говорить о самом общем уровне целеполагания на внешнем контуре, здесь обнаруживается противоречие между долгосрочными и краткосрочными целями.

Так, в случае с отечественной наукой долгосрочная цель связывается с выходом на «мировой уровень» научных результатов, с продвижением научного фронта. «Конкурентоспособность» результатов требует преодоления региональной изолированности науки, связанной с пребыванием за «железным занавесом» и последующим периодом неустойчивости, и встраивания исследований в общемировой контекст. Важнейшим критерием успеха оказываются публикации в научных журналах с высоким импакт-фактором. Стратегия на преодоление «отсталости» связана с длительными инвестициями и масштабной реорганизацией научно-образовательной политики (в частности, подготовки и переподготовки кадров). Еще более важным условием достижения этой цели является становление академической культуры, ориентированной на глобальную открытость. Вызревание такой культуры происходит главным образом благодаря свободной коммуникации ученых и научных групп, не требуя специального внешнего стимулирования – лишь снижения формально-бюрократического давления на науку. Иными словами, достижение желаемой цели связано с сохранением автономии науки и опоры на самоорганизацию научного сообщества. Наука в этом случае должна оставаться «фиктивным» социальным институтом, который, в отличие от «реаль-

ного», не ориентируется на сохранение status quo и соответствие бюрократическим шаблонам эффективности, но прежде всего создает «пустую форму» для спонтанной генерации идей¹.

В то же время локальные административные цели связываются с оценкой «производительности научного труда» на коротких временных отрезках. Ученые, работающие в государственных научных институтах, связаны количественными нормами по объему публикаций в соответствии с занимаемой должностью. Этот реликт плановой экономики использует самый примитивный критерий («количество продукта за единицу времени»), который может быть эффективным в случае рутинной механической работы, но совершенно не способствует адекватному измерению труда ученого. Он скорее создает предпосылки для появления «конвейера» низкокачественных публикаций в журналах с невысоким редакционным цензом. Безусловно, наличие такого критерия не отменяет добросовестности ученых, дорожащих репутацией и не готовых идти на компромиссы. Однако «разноголосица» формальных правил и внутренней мотивации добросовестного исследователя указывает на «провалы» в институциональной регуляции науки. Если эффективный институт создает правила, которые подталкивают агентов к добросовестности в исполнении своих обязательств, то институт, где личная ответственность оказывается важнейшим способом компенсации неэффективности формальных правил, едва ли функционирует должным образом.

Главным недостатком такого соотношения между внешними стимулами (правилами) и внутренней мотивацией (добросовестностью) является укрепление недоверия на двух уровнях. С одной стороны, культивируется «институционализированное подозрение», которое состоит в презумпции недобросовестности агентов («в отсутствие формальных показателей ученый утратит всякую мотивацию к научной деятельности»). С другой стороны, давление неэффективных правил снижает доверие к институту и побуждает к уклонению от их выполнения. Подобная политика создает своеобразную институциональную «ловушку» – установление нормы, не отвечающей чьим-либо интересам [2. С. 39]. Так, исследователи, в чьих интересах стремление к лучшим результатам, в погоне за нормативами публикуют низкокачественные работы. В свою очередь, бюрократический аппарат ориентируется на неадекватные показатели и получает искаженное представление об эффективности проводимой политики. Результатом такой коммуникации может быть лишь status quo, который ориентирован на самоподдержание в ущерб развитию. Феномен научного прекариата, о котором рассуждает Илья Теодорович, может рассматриваться как ответ на несовершенство институциональной организации науки. Стремясь выйти из-под внешнего давления, некоторые ученые уходят в «свободное плавание», которое, впрочем, не только обещает светлое будущее с возможностью совмещать интересную работу с научным туризмом, но и повышает личные риски профессиональной маргинализации.

Очевидно, что краткосрочные цели по контролю над эффективностью научного труда противоречат долгосрочным планам по развитию научных исследований. Для реализации долгосрочного плана необходимо, чтобы институт науки (точнее, его «внешний контур», как его называет Илья Теодоро-

¹ О различии «фиктивных» и «реальных» институтов см. [2. Гл. 4].

вич) оставался «фиктивным» – функционировал так, как если бы его не существовало вовсе. Основанием для бюрократической дерегуляции в этом случае становится доверие к ученым – к их способности самоорганизовываться и самостоятельно отвечать на ключевые вопросы научной политики: «что познавать?», «как познавать?» и «что и где публиковать?». Для внешней мотивации к развитию не нужны официальные нормативы – достаточно признания коллег: те ученые, чьи работы читают и цитируют, кого приглашают в состав научных групп для совместного участия в грантовых проектах, чье имя «на слуху» в сообществе, будут стремиться работать на репутацию и дальше. Формальное регулирование в данном случае может компенсировать возможные провалы в саморегуляции: например, для предотвращения «олигархизации» научных элит целесообразна поддержка молодых ученых. Политика науки в целом должна ориентироваться на создание стимулов и минимизацию бюрократических преград.

Однако такое видение противоречит постпозитивистскому тренду к демократизации науки. Уравнивание в статусе различных эпистемических традиций стало возможным благодаря демистификации науки как профессии. Эзотерическому образу ученого-демиурга был противопоставлен социологический анализ унылой лабораторной рутины, в которой невозможны настоящие «открытия» – только лишь решение предопределенных парадигмой задач. В качестве внешних эффектов такой «десакрализации» научного знания можно рассматривать дениализм (недоверие экспертному знанию) и упрощение политики науки. Разрушение «мифа о науке» как эпистемической практике с монополией на истину не могло не привести к тому, что, с одной стороны, научное знание утратит часть своего авторитета¹, а альтернативные науке практики (лже- и псевдонаука) получают статус интеллектуально легитимных «традиций». С другой стороны, если постпозитивисты отказывают науке в эпистемическом превосходстве, то стремление научных организаций сохранить автономию утрачивает внутренние основания и рассматривается лишь как часть политической борьбы за ресурсы и финансирование. Уравнивание науки в статусе с иными интеллектуальными практиками позволило сделать научную политику государства менее чувствительной к интересам самих ученых. Отсюда и акцент на краткосрочной результативности, и приоритет количественных показателей – критерии, которые не имеют непосредственного отношения к стратегическим целям.

Вероятно, для того, чтобы повернуть эту тенденцию вспять, необходим «миф о науке после постпозитивизма». Основной его посыл должен состоять в том, что вопреки «обыденности» научных практик, ученым удастся получать надежное знание. Стремление к этому знанию определяет мотивацию ученого, подпитывается этическими принципами научной коммуникации и не требует бюрократического контроля. При этом доверие как ключевая ценность политики науки благотворно не только для науки, но и для общества в целом. Оно позволило бы высвободить значительные ресурсы (человеческие, интеллектуальные, материальные), который сейчас расходуются на неэффективное управление. Устроители политики науки в современном мало пред-

¹ На этот счет существует и иная позиция, согласно которой «защита Фейерабендом астрологии, вуду, колдовства и других ненаучных систем <...> отражает стремление защитить эпистемическую целостность науки, демонстрируя, разоблачая и оспаривая неудачи ученых» [4. С. 15].

сказуемом мире могут ориентировать на слова А. Сент-Экзюпери: «Ты можешь все изменить. На бесплодной равнине вырастить кедровый лес. Но важно, чтобы ты не конструировал кедры, а сажал их семена».

Список источников

1. *Касавин И.Т.* Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 193–200.
2. *Белянин А.В., Зинченко В.П.* Доверие в экономике и общественной жизни. М. : Либеральная миссия, 2010.
3. *Ридингс Б.* Университет в руинах. М. : ГУ ВШЭ, 2010.
4. *Kidd I.J.* Why Did Feyerabend Defend Astrology? Integrity, Virtue, and the Authority of Science // *Social Epistemology*. 2016. DOI: 10.1080/02691728.2015.1031851

References

1. Kasavin, I.T. (2022) When the future borders on utopia: science in perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 193–200.
2. Belyanin, A.V. & Zinchenko, V.P. (2010) *Doverie v ekonomike i obshchestvennoy zhizni* [Trust in Economy and Public Life]. Moscow: Liberal'naya missiya.
3. Readings, B. (2010) *Universitet v ruinakh* [The University in Ruins]. Translated from English. Moscow: HSE.
4. Kidd, I.J. (2016) Why Did Feyerabend Defend Astrology? Integrity, Virtue, and the Authority of Science. *Social Epistemology*. 30(4). pp. 464–482. DOI: 10.1080/02691728.2015.1031851

Сведения об авторе:

Тухватулина Л.А. – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия). E-mail: spero-meliora@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tukhvatulina L.A. – Candidate of Philosophical Sciences, Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: spero-meliora@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*